Тишина повисла в воздухе, тягучая и напряженная. Рей лихорадочно соображала, что еще она хотела спросить, но слова застревали в горле. Нао-сенсей, будто почувствовав ее неловкость, прервала молчание.— Итак, ты расстроилась, что тебя не спешат продвигать в обучении. Понятно. А чем ты занималась последние три недели? — спросила она спокойным голосом.Это было почти болезненное облегчение — наконец-то можно было говорить об этом. Рей, словно шестилетний ребенок, засыпанный подарками, разволновалась и затараторила, не обращая внимания на тяжелые мысли, которые гнездились в ее голове.— Ну, я не сидела сложа руки, знаешь ли. Я научилась ходить по воде, освоила новые упражнения для контроля чакры. Родители дали мне доступ к семейным архивам, и там просто кладезь знаний! А еще я старалась не отставать в тайдзюцу и букидзюцу, — щебетала она.— Хм-м-м, — протянула Нао-сенсей, ее голос звучал равнодушно, почти безразлично, но Рей не позволила этому ее обеспокоить. — К сожалению, мой старый наставник, Тоширо-сенсей, недавно стал джоунином, у него нет времени на меня, а это очень плохо, потому что иметь личного инструктора, который знает тебя как свои пять пальцев, невероятно полезно. Я еще никому не говорила о том, чтобы найти нового, дома у нас все как-то странно из-за этого "удержания", но если бы они отказались учить меня какому-нибудь дзюцу, я бы просто взорвалась! Честно говоря, мне было так неспокойно, что я даже подумывала о том, чтобы выучить оружие, просто чтобы чем-то заняться, но не думаю, что это было бы хорошим решением. Оружие, знаешь ли, слишком специализированное, и сейчас я понятия не имею, подойдет ли оно мне. Если бы они просто позволили мне двигаться вперед, все было бы в порядке, но такой медленный прогресс сводит меня с ума! Я не реализую свой потенциал, не делаю всего, что могла бы, и не могу быть такой, какой могла бы, и это так меня бесит, что хочется что-нибудь сломать или убить, потому что это так чертовски раздражает, и я просто не знаю, что с этим делать! — закончила она, запыхавшись, не останавливаясь ни на секунду. С запозданием она поняла, что, возможно, сказала слишком много, но не могла заставить себя остановиться. Рей почувствовала облегчение, когда наконец-то смогла вдохнуть полной грудью. Ей действительно очень нужен был кто-то, кто выслушает ее, кто поймет.Нао-сенсей некоторое время просто смотрела на нее, ее взгляд был внимательным, но нейтральным. В каком-то смысле это было облегчением. Она не очень хорошо знала своего учителя, но по крайней мере, у нее не было ощущения, что Нао-сенсей осуждает ее или думает о ней плохо за ее вспышку. Наоборот, она смотрела на нее так, словно пыталась понять ее. Она не могла быть уверена, но, по крайней мере, Нао-сенсей не выглядела человеком, который при первой же возможности побежит и расскажет авторитетным людям, насколько психически неуравновешенна ее ученица.— Могу я спросить, что тебя так завело? — спросила Нао-сенсей, и ее вопрос, хоть и логичный, застал Рея врасплох.Рей пожевала губу. Она не могла рассказать всю правду, но разговор с Нао-сенсей помогал, и она не хотела останавливаться. Но не сейчас. Вместо этого она решила рассказать ей частичную правду.— Сильные управляют своими судьбами. Все остальные просто должны падать в строй и выполнять приказы без жалоб, — произнесла Рей.Нао-сенсей хихикнула, и это хихиканье сделало ее на мгновение совсем юной, несмотря на строгую прическу и мудрые глаза, которые выдавали в ней человека, знающего жизнь.— И против каких же приказов ты сейчас бунтуешь, Рей-тян? — спросила она.При этих словах Рей покраснела, ее брови нахмурились от недовольства.— Ты понимаешь, о чем я, — пробормотала она.— Не уверена, что понимаю. Почему бы тебе не объяснить мне это? — сказала Нао-сенсей. — В мире ниндзя главное — сила. Все трое Санинов смогли покинуть деревню, потому что были настолько сильны, что любой другой был бы убит мгновенно. Четвертому… было разрешено жениться и оплодотворить Джинчуурики, несмотря на существующий риск, … закончил войну почти в одиночку и смог осуществить свою мечту — стать Хокаге. Первый Хокаге вырвал деревню из хаоса эпохи Воюющих государств в основном только благодаря своей силе. Если бы они были менее сильными, то никогда бы не смогли сделать ничего из этого. Их сила позволила им буквально переписать правила. Все остальные — практически просто солдаты с их маршевыми приказами и без права сказать хоть что-то.Кошачьи глаза Нао пристально вглядывались в

нее.— Ну, ты не ошибаешься. У сильнейших действительно больше возможностей, — согласилась Нао-сенсей.— Так как же ты можешь насмехаться над тем, что я сказала? — спросила Рей вызывающе.— Я не насмехалась над тобой. Я пыталась донести свою мысль, — ответила Нао-сенсей, и ее ровный тон внезапно напомнил Рею, кто здесь учитель, а кто ученик, и что Нао-сенсей не терпит глупостей. — Смысл в том, что ты так беспокоишься о будущем, что полностью пренебрегаешь жизнью здесь и сейчас. В обычной ситуации это не было бы таким уж большим беспокойством, но ты разрушаешь себя и даже не осознаешь этого. Ты перемалываешь себя в пыль, и единственный, кто в этом виноват, — это ты сама.Рей почувствовал холодок при этих словах. Это была неправда. Ведь так?— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она, немного защищаясь.Нао-сенсей продолжила, но ее тон немного смягчился.— Мы оба знаем, что ты это делаешь. Ты слишком умна, чтобы этого не делать.Рей покачала головой в знак отрицания, но не смогла вымолвить ни слова. Ей казалось, что она знает, к чему все идет, и что-то внутри нее паниковало. Она не хотела этого слышать.— Ты не такая тонкая, как тебе кажется, и трудно скрыть что-то подобное от того, кто видит тебя долгими часами каждый день. Ты хоть понимаешь, как ты смотришь на своих одноклассников? Да, конечно, осознаешь. Хочешь, я тебе расскажу? — спросила Нао-сенсей, ее тон не был недобрым, но и не давал девушке возможности пошевелиться.Рей покачала головой, положив руки на учительский стол и зарывшись в них головой.— Я видела, как ты стала смотреть на людей. Как будто их вообще не существует. Как будто ты взвешиваешь и измеряешь их ценность, как мешки с рисом, и находишь, что большинство из них не обладают достаточной ценностью, чтобы стоить твоих усилий. Как будто они даже не люди. — Я не стану говорить тебе, что это хорошо или плохо, — произнесла Нао-сенсей, — но ты уже достаточно взрослая, чтобы понимать некоторые вещи. То, как ты относишься к своим товарищам, определит, кем ты станешь. Тебе нужно спросить себя, хочешь ли ты быть именно таким человеком. Ты одна из немногих, кто обладает умом, чтобы выбрать свою судьбу, — добавила она без осуждения, но с холодной практичностью, которая стала для Рей спасательным кругом после бури эмоций, вызванной словами наставницы. — Ты должна спросить себя, хочешь ли ты быть такой. Что-то пошло ужасно, катастрофически неправильно. Нао-сенсей словно хотела заставить ее задуматься о своих поступках. Часть души Рей воспротивилась этому, упрямо не желая меняться. Теперь, когда уродливая правда была вытащена на свет, Рей чувствовала себя так, словно ее рана была выставлена напоказ.— Такое отношение и мировоззрение не сделают тебя плохим ниндзя, даже в Конохе, где ценят товарищество и командную работу, — продолжала Нао-сенсей, пристально наблюдая за ученицей. — Более того, даже в Конохе некоторые секторы и люди считают такой образ мышления идеальным. Правда, некоторые будут осуждать тебя, а другие хвалить за умение отделять сочувствие от миссий. В мире ниндзя есть место обоим подходам. Но если ты будешь продолжать относиться к другим так же, как раньше, то есть кое-что, о чем, я думаю, тебе следует знать. Тебе нужна минутка, чтобы успокоиться? — спросила Нао-сенсей.Рей держала голову на руках, ее тело сотрясали тихие рыдания. Мир перевернулся. Неужели я действительно была такой ужасной? Да, была. И это не было чем-то новым. Будто шлюзы открылись, и она начала пересматривать свою жизнь под другим углом. От некоторых мыслей ей становилось плохо. Она не хотела быть плохим человеком.Рядом с ней что-то положили. Подняв голову, Рей сквозь слезы увидела коробку с салфетками. Она рискнула взглянуть на Нао-сенсей, которая терпеливо наблюдала за ней без капли сочувствия. Это каким-то образом заставило Рей выпрямиться, помогло обрести самообладание, чтобы перестать плакать. В то время как другим нужна была бы поддержка, Рей этого не требовалось, и холодное отношение Нао-сенсей стало для нее якорем, за который можно было ухватиться. Она села на табурет и взяла салфетки, чтобы вытереть лицо.Нао-сенсей дала ей несколько мгновений, прежде чем поправить очки, подтолкнув их пальцем вверх. Затем она продолжила говорить, будто плачущий ребенок не прерывал ее.— Как я уже сказала, есть несколько вещей, о которых тебе следует знать в отношении своей карьеры. Известно, что люди с подобным мировоззрением добиваются успеха в определенных видах деятельности. Если ты решишь

продолжать в том же духе, тебя почти наверняка примут в Анбу, как только ты получишь Чуунин. Большую часть своей карьеры ты проведешь, выполняя… неприятную, изматывающую работу. Престижную и хорошо оплачиваемую, но от этого не менее неприятную. Нужен определенный тип людей, чтобы выжить или даже преуспеть в такой обстановке.Ты имеешь в виду социопата, подумала Рей. Неужели Нао-сенсей действительно думала, что она движется в этом направлении? Действительно ли она так думала?— Многие люди стремятся к такой карьере. Я бы посоветовала всем даже не рассматривать возможность вступления в Анбу, пока они не станут джоунинами. Нам не всегда дают выбор, это, конечно, зависит от Хокаге, но часто мы его делаем. Есть над чем подумать. Почему-то мне кажется, что ты не из тех людей, которые… наслаждаются своим пребыванием в Анбу. Просто бесплатный совет. Делай с ним, что хочешь.

http://tl.rulate.ru/book/105653/3748179